

УДК 94(477)"1914/19"

doi: 10.17072/2219-3111-2017-3-72-81

ИСТОРИЯ УКРАИНЫ И УКРАИНСКИЙ ВОПРОС В НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ТРАКТОВКЕ ПОЛЬСКОГО ПОЛИТИКА СТАНИСЛАВА ГЛОМБИНСКОГО

М. А. Булахтин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
bulachtin@yandex.ru

Анализируются пропагандистские аспекты идейно-политической борьбы польского и украинского народов за свою государственность в годы Первой мировой войны. Польская сторона в ходе этой борьбы привлекала исторические аргументы как дополнительное средство противодействия национально-государственным устремлениям украинцев и ослабления их позиций на международной арене. В этой связи раскрываются взгляды на историю Украины и украинское национальное движение известного польского политика, видного деятеля польской национально-демократической партии (эндэции), депутата австрийского парламента, галицийского и буковинского сеймов Станислава Гломбиньского. В своих публицистических работах, адресованных общественности и политическим кругам центральных держав, он стремился противодействовать украинской пропаганде, доказывал, что в истории никогда не существовало украинского государства, разоблачал мифы о Богдане Хмельницком, казаках и гайдамаках, давал свою трактовку истории украинского движения в XIX в., считал «русинов» в Восточной Галиции, «малороссов» в России и «русских» по сути одним народом. Гломбиньский делал вывод, что лозунги украинских политиков о создании независимой Украины не имеют никакой реальной базы. Он был убежден, что поборники этой идеи не выражали интересы большинства населения Украины, настроенного на сохранение единства с Россией. Явная политическая окрашенность и тенденциозность его исторических оценок во многом отражала подходы к украинскому вопросу и других польских политиков правого толка в начале XX в. Многие доводы Гломбиньского были созвучны с оценками и утверждениями польских экспертов по украинскому вопросу во время работы Парижской мирной конференции 1919–1920 гг.

Ключевые слова: Первая мировая война, Украина, Польша, Галиция, межнациональные отношения, государственность.

Первая мировая война стала переломным моментом в судьбах угнетенных народов Центральной и Восточной Европы. По верному замечанию российского историка А.В. Гущина, она послужила катализатором активизации борьбы многих из них за обретение собственной государственности [Гущин, 2011, с. 492]. В полной мере это относилось к полякам, более века мечтавшим возродить независимую Польшу, и к украинцам, стремившимся обрести свою государственность. Однако борьба за достижение этих целей порождала напряженность в отношениях между двумя народами. Украинский историк Л.А. Зашкільняк справедливо отмечает, что цепь польско-украинских конфликтов в XX в. берет свое начало в годы Первой мировой войны [Зашкільняк]. Одной из причин обострения противоречий стали разногласия по поводу будущих границ Польши и Украины. Территориальные притязания украинцев, предполагавших строительство «Большой Украины» от Вислы до Кавказа, вызывали раздражение в польской политической среде.

В начале войны особенно болезненно польские политики воспринимали деятельность Союза освобождения Украины (СОУ), созданного 4 августа 1914 г. в Львове украинскими политэмигрантами из России. При поддержке галицко-буковинских украинцев Союз развернул широкую информационно-пропагандистскую и дипломатическую работу для популяризации украинского вопроса на международном уровне. Представители СОУ издавали на иностранных языках листовки, воззвания, периодическую литературу, научно-популярные брошюры, иллюстрированные альбомы и календари, книги по истории и географии Украины, содействовали созданию обществ «друзей Украины», выступали на различных форумах, читали публичные лекции, посвященные украинскому вопросу, налаживали контакты с европейскими политиками, учеными, публицистами, предпри-

нимателями, редакциями европейских газет и журналов [Гирич, 2012, с. 226, 231; Патер, 2013, с. 174–181].

Польские политические круги особенно сильно беспокоила поддержка украинского движения со стороны центральных держав. Поляков в Галиции тревожили заявления австрийского правительства о готовности содействовать государственно-политическим устремлениям украинцев [Яремчук, 2009, с. 34–35]. И они предпринимали всевозможные попытки помешать претворению в жизнь этих намерений, поскольку рассчитывали включить в состав возрожденной Польши украинские земли, являвшиеся частью Речи Посполитой до ее разделов в XVIII в.

Противодействовать украинской пропаганде стремился также известный польский политик Станислав Гломбиньский. Он возглавлял польскую национально-демократическую партию (эндецию) в Галиции, являлся депутатом австрийского парламента (1902–1918), был председателем Польского коло (1907–1911). Кроме того, Гломбиньский являлся депутатом галицийского (1904–1914) и буковинского сеймов (1910–1918). В австрийском правительстве Бинерт–Шмерлинга он возглавлял министерство по делам железных дорог (1911). Следует также отметить, что в 1908–1909 гг. С. Гломбиньский занимал пост ректора Львовского университета. Будучи уроженцем Восточной Галиции, он беспокоился за судьбу этого края, который мог отойти под украинское управление. В своих воспоминаниях Гломбиньский отмечал, что в годы мировой войны галицкие «русины-украинцы» на международной арене оказались открытыми врагами освобождения Польши. Даже прусские и российские завоеватели «притворялись», что доброжелательно относятся к идее польской государственности и готовы ее реализовать. Галицкие же украинцы развернули широкую пропаганду против Польши и ее национально-освободительных устремлений. Такое поведение он объяснял тем, что перед украинцами «замаячила» идея создания свободной Украины, а польский вопрос мог отодвинуть в тень этот план. Политик также полагал, что украинцы опасались, что Восточная Галиция и восточные земли давней Речи Посполитой войдут в состав освобожденной Польши (Gląbiński, 1939, s. 232).

По словам Гломбиньского, публикации украинцев в годы войны были проникнуты «какой-то дикой ненавистью» к Польше. Украинские авторы «клеямили» поляков как анархистов, неспособных к самостоятельности, называли разделы Речи Посполитой и колониционную политику Пруссии «благословением» для польского народа (Gląbiński, s. 234). Утверждалось, что поляки поработили Украину, уничтожили цветущее украинское мещанство, запретили украинцам заниматься ремеслом и торговлей, наложили на них контрибуцию, уничтожили шляхту. Гломбиньский считал, что ненавистью к Польше были проникнуты также работы украинского историка М. Грушевского и географа С. Рудницкого. «Польская культура XIV–XVI вв., – цитировал он Грушевского, – была жалким и далеким отзвуком современной итальянской и немецкой культуры» (Gląbiński, s. 234). Разделы Польши были справедливым наказанием за Люблинскую унию 1569 г., когда «польские политики распорядились украинскими землями, присоединяли, не спрашивая украинцев, и затем насильно заставляли украинских панов присягать Польше» (Gląbiński, s. 234–235). По мнению Гломбиньского, не лучшим образом с Польшей и поляками обошелся и доцент Львовского университета С. Рудницкий. «Польско-литовское государство, – цитировал автора Гломбиньский, – относилось к Украине как к завоеванной стране, притесняло мещан и превратило крестьян в рабов» (Gląbiński, s. 235). По словам политика, Рудницкий считал Холмщину, Подлесье и Полесье исключительно украинскими землями, о существовании там поляков даже не упоминал. Он обращал внимание на то, что на обзорной физической карте Рудницкий включил в состав Украины восточную часть царства Польского вплоть до Варшавы. В таком случае, делал вывод Гломбиньский, не было бы вообще никакого смысла восстанавливать Польшу. Скорее, ее всю следовало включить в «Украину».

Польский политик считал, что на поток таких книг, брошюр и газетных статей нужно было отвечать, так как они распространяли явно ложные исторические факты и формировали недоброжелательное отношение к Польше (Gląbiński, s. 236). Поэтому в годы Первой мировой войны в своих публицистических работах, написанных на немецком языке, он призывал общественность и правящие круги центральных держав критически относиться к украинским публикациям, излагал свою версию украинской истории и собственную трактовку текущей общественно-политической ситуации на Украине.

В своих работах, написанных в годы войны, Гломбиньский подчеркивал, что существование особого украинского народа с ярко выраженным национальным самосознанием является мифом и фантазией агитаторов. По его словам, внедрение слова «украинец» в политический обиход произошло совсем недавно. До сих пор были известны лишь «русинь» в Австро-Венгрии и «малороссы» в России (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 525). Политик отмечал, что «малороссы» не осознают своего национального своеобразия, не рассматривают себя в качестве «украинцев» и считают себя русскими (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 535–537). В подтверждение своей позиции он ссылался на рассуждения польского социалиста Л. Василевского, изучавшего межнациональные отношения в этом регионе. Л. Василевский, в частности, полагал, что «особый характер украинского движения в России заключается в том, что оно имеет исключительно аполитичную и культурную направленность» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 163). «России удалось полностью подавить национально-политическое сознание украинской интеллигенции. – цитировал автора Гломбиньский. – Тридцать миллионов “украинцев” в России образуют сырую этнографическую массу ... они не обладают национальным самосознанием и сепаратистскими идеями, являются православными и благодаря этому тесно связаны с Россией, солидарно стоят с русскими против чужих. Хотя украинский крестьянин “хохол” отличается от великорусского “кацапа”, однако внешне они образуют национальное русское единство. Подавляющее большинство интеллигенции, которая происходит из народных масс, считает себя русской, не отвергая при этом своей симпатии к местной украинской народной жизни, украинскому языку, народной поэзии и обычаям. Эти симпатии можно обнаружить даже у таких видных русских патриотов, как председатель Думы Родзянко, глава Киевской жандармерии Новицкий, министр Дурново. Но это ни малейшим образом не затрагивает их крепкого русского национального самосознания» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 163–164).

Гломбиньский утверждал, что так называемый «украинский народ» совершенно чужд идее самостоятельного государства. Как народ крестьянский, он не сумел сформировать никаких значимых социальных слоев, которые бы заменили русский и польский элементы в его социальной структуре, создать ремесло и торговлю, вызвать к жизни бюргерство (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 164). Возможно, в далеком будущем путем политической эволюции и социальной дифференциации «южнорусское племя» разовьется в политическое и национальное целое и опровергнет бытующие до сих пор представления о единстве русского народа и государства (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 165). Гломбиньский полагал, что национальное самосознание народных масс, их особые политические устремления едва ли могут возникнуть мгновенно по желанию крошечного числа идеологов и политических авантюристов, особенно в случае, когда «весьма отсталый в культурном отношении народ», настроенный фанатично благодаря общей православной конфессии и иерархии, поддерживается государством, церковью, воспитанием и традицией в безграничной ненависти к иным религиозным конфессиям и западной культуре (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 165).

Польский политик обращал внимание на то, что, продвигаясь на восток, армии центральных держав не встретили никаких «украинцев», а только поляков, евреев и русских. Русские военнопленные, отвечая на вопрос о своей национальности, никогда не говорили, что они «украинцы». Они вообще не знали такой национальности и всегда представлялись как «истинные русские» или же как поляки, евреи, немцы, литовцы, латыши, татары, черкесы (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 165–166).

По утверждению Гломбиньского, «русинские островки» в польской Холмщине, «русинь» на Волини решительно отвергали введение в своих народных школах русинского языка как языка обучения, называя его низкосортным наречием («хохлацким языком») (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 166). Кроме того, православные жители Волини, Подолии и Поднепровья с давних пор известны как решительные противники католицизма, евреев, «швабов» (немцев) и высших слоев общества. Как восстание Б. Хмельницкого в XVII в. считалось православным крестовым походом против католиков и евреев, так и современная мировая война называется здесь войной против врагов православия. Даже в Галиции, где сохраняются церковные связи между русинами и поляками на почве католицизма, доброжелательные рекомендации последних отказаться от юлианского календаря ради объединения церковных праздников русины единодушно отвергли, восприняв это как оскорбление, провокацию и явное покушение на свою национальность (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 167).

Польский политик считал, что земли под названием «Украина», никогда не составлявшие единого целого, не могли иметь и общего прошлого (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 173). Эти территории в средние века и Новое время подчинялись разным правителям: норманнам, литовцам, монголам, полякам, туркам. Эти земли никогда не составляли отдельного государства, если не принимать в расчет период «кровоавого восстания» Хмельницкого, завершившегося покорением левого бережья Днепра русскими и потерей широкой автономии, которой пользовались казаки в составе Речи Посполитой.

Полемизируя с украинским историком М. Грушевским, С. Гломбиньский утверждал, что никакой «украинской» государственности в средние века не существовало (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 174). По его мнению, в те давние времена создавались военизированные государства под руководством властолюбивых князей и племен, получавшие названия вне зависимости от этнографических отношений. Так, в результате покорения славян варягами возникло и русское государство, распространив название «Русь» на покоренные племена. Само это понятие произошло от слова «Ruotsi», которым соседние племена чуди обозначали варягов (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 174). Гломбиньский считал, что государство Владимира и его наследника Ярослава также нельзя называть «украинским» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 175).

Польский политик обращал внимание на то, что уже в период становления русского государства произошли события, на долгие века заложившие глубокие противоречия между русской и польской народностями. К таковым он относил принятие христианства на Руси от Византии и захват поляками Червенских градов на Буге, Сане и в верховьях Днестра (земли Холмщины, Восточной Галиции и Западной Вольни) (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 176). Другие территории Руси, а именно Поднепровье и Подолия, в XIV в. оказались под властью литовских князей. После заключения союза между Польшей и Литвой в 1385 г. эти земли попали под политическое и культурное влияние Польши. В дальнейшем они вошли в состав последней в результате заключения Люблинской унии в 1569 г. (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 177).

Гломбиньский отмечал, что объединение с римско-католической церковью в 1596 г., которого добивались «малороссийская» шляхта и православный епископат Речи Посполитой, было воспринято низовым православным духовенством без воодушевления, а в ряде мест даже с негодованием (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 177). Это обстоятельство давало повод для агитации и подстрекательства в среде широких масс, угнетаемых дворянской олигархией, против католической польскости. В XVII в. этот «опасный зародыш» пророс и развился. В последующем, полагал Гломбиньский, восстание Б. Хмельницкого было настолько «раздуто» и художественно расписано «украинскими» писателями и поэтами, что нужно обладать основательными знаниями, чтобы разобратся во всем лабиринте небывалой фальсификации истории того времени.

Польский политик пояснял, что казаки в Поднепровье были частью «малороссийского племени» и представляли собой «толпу бродяг и разбойников», не собиравшихся жить плодами мирного труда (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 178). Находясь в обширной пограничной области Польши, «Украине», они вели авантюрную жизнь, грабили, разбойничали, совершали нападения на соседние турецкие, «валашские» и польские области. Польские власти стремились включить эту пограничную территорию в государственный организм и преобразовать «банду» казаков хотя бы в полудисциплинированное, пограничное военное ополчение со своими правами и привилегиями. Любые попытки ввести строгий порядок и дисциплину в ряды казаков постоянно наталкивались на сопротивление, тем более что в казацкой среде всегда имелись амбиционные и «необузданные» элементы, не желавшие подчиняться контролю. Подобным лидером Гломбиньский считал и Б. Хмельницкого, «страстного и хитрого дворянина», который увел у польского рыцаря Д. Чаплинского жену и бежал в Поднепровье, чтобы уйти от наказания (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 178).

По мнению Гломбиньского, было бы грубым историческим подлогом называть казацкие восстания национально-освободительной борьбой «малороссов» против поляков (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 539). Он ссылаясь на историка О. Халецкого, считавшего напрасным искать в подобных волнениях национальные мотивы и противоречия. «Разумеется, – цитировал автора Гломбиньский, – преобладающее большинство казаков было ... малороссийского племени, однако как раз из того же народа происходили по большей части магнатские и шляхетские роды, воеводы, старосты и военачальники, против которых были направлены восстания. Ничто лучше не характеризует отсутствие национального момента в казацком вопросе, как то обстоятельство, что первое такое вос-

стание, во главе которого в 1592 г. (1591 г. – М.Б.) стоял польский шляхтич Косинский, было направлено против князя Острожского, тогда еще ревностного представителя православия и русскости! Поэтому было бы ошибочно говорить о национальном угнетении. Крупные землевладельцы в этих провинциях по большей части сами являлись русинами. Только после того, как они постепенно полонизировались в языке и культуре, тогда уже стало в порядке вещей идентифицировать “ляха” (поляка) с “паном” (барином). Тем не менее эти “паны” все еще рассматривались как русины и все более частые столкновения воспринимались не как национальные, а как крестьянские войны с печальным характером братоубийственной борьбы» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 541).

Оценивая восстание 1648 г., Гломбиньский отмечал, что Б. Хмельницкий организовал его не против польских королей и Речи Посполитой, а против отдельных магнатов (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 179). Это было восстание казаков, недовольных ограничением казацких вольностей, под руководством честолюбивого лидера, сумевшего ловко разжечь и использовать тлевшие на этих землях социальные и религиозные ферменты. Несмотря на неожиданные успехи в сражениях с польской армией, которых удалось добиться с помощью татар, Б. Хмельницкий вплоть до смерти польского короля Владислава IV оставался его «верноподданным» и просил лишь изменить принятую сеймом в 1638 г. «Ординацию Войска Запорожского», а также увеличить количество реестровых казаков. Только после смерти в 1648 г. короля, который сам безуспешно боролся со злоупотреблениями знати, а также в результате новых военных успехов этому «тщеславному авантюристу» пришла в голову мысль добиваться полной независимости казаков и «южнорусского народа» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 179).

Гломбиньский отмечал, что прославление Б. Хмельницкого как «мнимого защитника украинского народа в его этнографических границах» выразилось в красноречивых описаниях отвратительной резни, грабежей, похищения огромного количества детей и девушек, разорения целых деревень, совершаемых казаками Хмельницкого вместе с татарами во время разбойничьих набегов в земли Подолии, Вольни и Восточной Галиции. «Украинское» население искало в польских городах и крепостях защиту от своего «освободителя» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 180).

Гломбиньский заметил, что преемник Б. Хмельницкого, гетман И. Выговский, встал на сторону Польши против русских царей и добился в договоре с Польшей в 1658 г. обещания создать «великое княжество Руськое» в составе Речи Посполитой. Однако в дальнейшем казаки под руководством нового гетмана П. Дорошенко подчинились третьей соседней державе, Турции, и призвали против Польши огромную турецкую армию, опустошившую ее малороссийские земли и истребившую местное население (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 180).

Польский политик предполагал, что для прославляющих Б. Хмельницкого «украинофилов» может быть неприятен факт, что в то время, как польский король Ян Собеский, жертвуя жизненно важными интересами собственного государства, находившегося под угрозой нападения русских, турок и казаков, с армией, в которой было немало польских малороссов, появился у стен Вены перед турецким войском для защиты христианства и европейской культуры, султан назначил гетманом «своего верного вассала» Юрия Хмельницкого (сына Богдана Хмельницкого) и пожаловал его княжеским титулом (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 180).

По оценке Гломбиньского, итогом всех этих противостояний с Польшей стало то, что «украинский народ» правобережной Украины, «сытый» гетманством и восстаниями, озлобленный, покинул свою родину и переселился за Днепр. Таким образом, богатая, Богом благословенная Украина из-за мстительной и «чересчур умной политики» своих лидеров на долгие годы превратилась в пустыню (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 180–181).

Гломбиньский представил также свою версию истории возникновения украинского движения в XIX в. По его мнению, было бы совершенно неправильно представлять это движение как политическое и ставившее целью завоевание независимости украинского народа (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 182). Он считал, что идеи личной свободы, освобождения от оков крепостничества и жесткого деспотизма были присущи русской литературе XIX в. в целом и их не следует путать с национально-освободительными устремлениями отдельных народов. Именно такие идеи Гломбиньский усматривал в творчестве украинского поэта Тараса Шевченко. По его мнению, Т. Шевченко чувствовал себя русским в политическом смысле слова, и его не следует рассматривать как сепаратиста и тем более как врага русского государства. Если нынешние галицкие «украинцы», отмечал политик, хотят приписать Шевченко антигосударственные мотивы и цели, то тогда и всех

вольнодумцев на свете, добивавшихся свободы и счастья для своей родины, сурово критиковавших остатки несвободы и злоупотребления властей, следует тоже считать государственными изменниками. Он пояснял, что недовольство господствовавшим режимом в России разделяли с Т. Шевченко все просвещенные мыслители того времени (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 182). Стихи Т. Шевченко восхваляли деяния казаков, славили гетманов и содержали страстные обвинения против крепостничества. Однако политические мечты поэта, продолжал Гломбиньский, не предполагали завоевания независимости Украины, а скорее были связаны с объединением всех славянских племен. Он планировал основать художественную академию в Киеве, добиваться отмены крепостного права, бороться за свободу и равенство. Как опасный русский вольнодумец, но не как государственный изменник, Т. Шевченко был арестован и подвергнут преследованию. Однако русские друзья добились его освобождения (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 183).

Гломбиньский отмечал, что Т. Шевченко, создав художественную традицию казачества и гайдамачества (движение казаков в XVIII в. на правобережной Украине), прославил факты и события, которые на самом деле были далеки от героизма и представляли собой обычные волнения и грабежи, массовые убийства мужчин, женщин и детей, единственная «вина» которых состояла лишь в том, что они были католиками и евреями. Современники поэта, хорошо знавшие историю, подвергли критике такие тенденции в его творчестве, считая их опасными. Особенно усердно против этих тенденций выступал писатель, знаток истории Украины и друг поэта Пантелеймон Кулиш (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 183).

По мнению Гломбиньского, П. Кулиш, как и Т. Шевченко, был «русиним по происхождению и русским по национальности». Хотя Кулиш создал «русинский» алфавит, отличавшийся от русского, действовал в Галиции как «украинофил», тем не менее он был убежденным сторонником единства русского государства, считал русский язык государственным и «общенациональным», выступал за политическое и национальное единение Украины с Россией (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 183–184). Он весьма активно осуждал прославление Б. Хмельницкого, казаков и гайдамаков, называл это бездумным и опасным искажением фактов, предостерегал от эмоционального обращения с историей и требовал рациональных и справедливых ее оценок. Характеризуя поэмы Т. Шевченко «Тарасова ночь» и «Гайдамаки», в которых внушалась ненависть к полякам и с «наслаждением» описывались ужасные сцены резни в Умани в 1768 г., Кулиш называл эти стихи творением «пьяных муз» и доказывал, что разбойничьи походы казаков и гайдамаков были проявлением дикости и варварства в отношении организационной и культурной работы Речи Посполитой на украинских землях (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 184).

Другим примером органического сочетания русского и украинского начал для Гломбиньского служила деятельность доцента Киевского университета, издателя собраний «малороссийских» песен, сторонника социалистических идей М. Драгоманова. По мнению польского политика, М. Драгоманов не был сепаратистом, высказывался за русский язык в качестве государственного и литературного, а также языка общения между образованными русскими и «украинскими» слоями (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 185). Тем не менее, исходя из педагогических соображений, он рекомендовал в общении с народными массами в Поднепровье использовать «украинский» язык, в Галиции – «русинско-галицкий», что позволило бы легче сблизиться с народом и быть ему более понятным. Гломбиньский замечал, что для галицийского издания «Друг» М. Драгоманов писал статьи на русском языке, хотя это издание выходило на «малороссийском наречии».

Польский политик отмечал, что такие «малороссийские» ученые, как этнограф П. Чубинский (автор стихов украинского гимна «Ще не вмерла Украина»), историк В. Антонович, антрополог Ф. Волков, русский филолог А. Потемня, многое сделавшие для изучения Украины, рассматривали Россию как свою общую родину, не отрекаясь от любви и к своей малой родине (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 185–186).

Особое внимание Гломбиньский уделял польско-украинским отношениям в Галиции. Еще накануне Первой мировой войны в этой австрийской провинции заметно возросла напряженность между этими двумя народами. Украинские политики стали активно добиваться национального равноправия во всех сферах общественной жизни края. По мнению Гломбиньского, ухудшение взаимоотношений поляков и «русинов» произошло в результате революции 1848–1849 гг. Поляки выступили тогда на стороне революционного освободительного движения, русинские же священники и интеллигенция поддержали австрийское правительство. За свою верность они надеялись на опре-

деленное «вознаграждение». И, действительно, в Львовском университете была создана кафедра русинского языка и литературы во главе с Я. Головацким. Русинам обещали в перспективе открыть и новые кафедры. В целях содействия их культурным устремлениям австрийские власти помогли создать крупное культурно-просветительское учреждение «Народный дом», выделив просторное помещение в Львове (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. К. 187–188).

Несмотря на эту поддержку, русины на рубеже 1850 и 1860-х гг. перешли в «русский лагерь», где им предложили более значительные материальные выгоды и возможность вести борьбу с поляками (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. К. 188). После разгрома польского восстания 1863 г. русское правительство привлекло их к пачификации и русификации царства Польского, прежде всего к участию в обращении «польской пограничной области» Холмщины, населенной в том числе «греко-католиками малороссийского происхождения», в православную веру. По словам политика, это предложение оказалось для галицких русинов таким искушением, перед которым они не смогли устоять.

Под влиянием антипольского течения, господствовавшего в России, русинское духовенство и в самой Галиции приступило к «очищению» униатской церкви от различных латинских «примесей» и разжиганию ненависти к полякам (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. К. 188). В период ликвидации греко-католической церкви в Холмщине часть униатских священников бежали в Галицию. Однако местное униатское духовенство во главе с митрополитом И. Сембратовичем встретило их негостеприимно и не хотело допускать к пастырской деятельности (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. К. 189). Кроме того, в среде русинского духовенства Галиции было множество людей, предлагавших свои услуги русскому правительству в борьбе с греко-католическим обрядом в Холмщине. Они поспешили в Россию, чтобы за русские «деньги Иуды» «очистить» свою собственную веру и поработить совесть несчастного народа Холмщины. В газете «Слово» униатские священники Галиции подчеркивали общерусское единство и рекомендовали русинам использовать русский в качестве литературного языка. Я. Головацкий отказался от должности профессора кафедры русинского языка и литературы и переехал в Вильно, где занял более высокооплачиваемую должность председателя Русской археографической комиссии (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. К. 189). Некогда дружелюбно настроенные к полякам «малороссийские» ученые и публицисты Н. Устианович, А. Могильницкий, И. Гушалевиц, М. Малиновский, И. Наумовиц, Б. Дидыцкий, А. Петрушевиц прикнули к «русскому течению». Другие же выдающиеся деятели русинского происхождения, как, например, Н. Зыбликевиц, З. Савчинский, Е. Черкавский, П. Костецкий, объявили себя поляками. Русинский поэт Т. Падура в знак своего «братства» с польским народом отказался от кириллического алфавита и стал использовать латиницу. Таким образом, заключал Гломбиньский, русинское движение середины XIX в. в Галиции не выдержало «сурового испытания русским искушением» и быстро угасло. Его возрождение началось уже после приглашения из Киева на должность профессора русинской истории Львовского университета М. Грушевского, создавшего в крае Украинскую национально-демократическую партию (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. К. 190).

Гломбиньский отвергал идею выделения Восточной Галиции в отдельную административную единицу и выражал сомнение в том, что русинские политики реализуют свое обещание создать из нее «бастион», «защитную стену» от России и всех натисков «панрусизма», превратить этот регион в «Пьемонт востока», чтобы в дальнейшем с его помощью «заполучить» всю Украину для Австро-Венгрии и западноевропейской культуры (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. К. 196). Он утверждал, что в действительности события будут развиваться с точностью наоборот. Галицкие «украинцы» не обладают теми качествами и вдохновением, которые позволили бы склонить «насквозь православную, гордящуюся своей византийской культурой, Украину», к католическим и западноевропейским идеалам. Напротив, именно «русская Украина» и православие обладают той мощью и силой, чтобы постепенно привлечь к себе всех «украинцев». Польский политик отмечал, что во время мировой войны галицкие русины встречали казаков с распростертыми объятиями, многие русинские общины выехали в Россию, в том числе те, где до войны не ощущалось никаких русофильских влияний.

По мнению Гломбиньского, крестьянская душа галицкого «украинца» благодаря радикальной агитации, прославлению казаков и гайдамаков, формированию враждебного отношения к полякам и римско-католической церкви пробудилась после многовекового сна (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. К. 197). Поэтому неудивительно, что его сердце стало биться сильнее, когда в начале

войны он увидел живых казаков в своих традиционных костюмах на легендарных лошадях – потомков тех самых «героических» казаков и гайдамаков, о которых он так много слышал и которых, быть может, даже воспевал (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 198). «Русско-украинская душа» во время оккупации Восточной Галиции в 1914–1915 гг. пробудилась даже у тех, кто прежде открыто демонстрировал свою неприязнь к русским. Вызывало недоумение, когда в Львове некоторые горожане, прежде подчеркивавшие свою «украинскость», в одночасье превратились в русских и стали состязаться с местными русофилами в демонстрации своей дружбы с русскими братьями (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 199).

Польский политик отмечал, что после захвата Восточной Галиции русскими войсками многие русинские приходы перешли в православие (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 201). Униатские священники не только участвовали в проведении православных богослужений, но и сами переходили в православную веру. То обстоятельство, что русины с «таким легким сердцем» были готовы поменять свою веру, Гломбиньский объяснял многолетней политической борьбой униатского духовенства и русинской интеллигенции против поляков и римско-католической церкви (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 202). Униатские иерархи позаботились о том, чтобы все внешние атрибуты, сближавшие греко-католический и латинский обряды и видимые верующим, были ликвидированы для того, чтобы прихожане, оказавшись на православном богослужении, не смогли понять, чем отличается от православия их собственная вера и обряд. Кроме того, агитаторы постарались внушить народу, что греко-католическая уния стала злонамеренным изобретением поляков и евреев и была направлена на то, чтобы расколоть «русский народ» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 202).

Гломбиньский называл неисправимыми оптимистами тех русинов, кто добивался сближения своих соплеменников с русским православием ради постепенного привлечения православных к католической церкви (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 203). Он был убежден, что не православная, а греко-католическая церковь понесет урон, потому что православие является важнейшей основой русского государства и русского национального единства. Политик считал очевидным притягательность востока, русского православия, «русской Украины Богдана Хмельницкого» для галичан. Он был убежден, что «украинский Пьемонт» в Восточной Галиции является лишь этапом, желательным и удобным для России в деле осуществления политической и церковной программы по поглощению русинского народа Галиции «общерусским православным организмом» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 203). Поэтому Гломбиньский полагал, что не будет никакой «независимой Украины», и называл эту идею «фантомом» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 205).

Мнение Гломбиньского не являлось уникальным в польской политической среде. Многие деятели правого толка высказывали близкие суждения. Свидетельством этого может служить докладная записка под названием «"Украинский вопрос" в его истинном виде», отложившаяся в материалах Главного национального комитета в Кракове. Документ был подготовлен по инициативе члена палаты господ австрийского парламента, близкого ко двору графа К. Ланцкороньского. В нем, в частности, отмечалось, что жители юго-западных регионов России «всецело чувствуют себя русскими людьми и так же мало хотят быть избавленными от русского гнета, как и подавляющее большинство итальяноязычных жителей южных земель Австрии – от австрийского гнета» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 671). Авторы утверждали, что и в Галиции лишь небольшое количество русинов демонстрируют свою приверженность «украинству» (течению, доказывавшему существование отдельной украинской нации), а духовенство, являясь главным политическим фактором в их среде, почти все настроено «антиукраински» (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 673). Уже в начале мировой войны обнаружилось, что подавляющее большинство галицких русинов ждали своего освобождения именно Россией. Когда русские войска вошли в Восточную Галицию, их встретили как освободителей с хвалебным возгласом «Осанна» (спаси, помоги) (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 673–674). Авторы документа выражали уверенность в том, что большинство галицких русинов, как их братья на юго-западе России, рассматривают себя не как особое «племя», а скорее как «малороссов», как часть русской общности. Поэтому они быстро сбросили во время войны маску австрийских верноподданных (ANK. Zesp. 29/639. Jedn. 631. K. 675).

Описанные подходы наглядно демонстрирует один из эпизодов информационно-пропагандистской борьбы, которую вели представители польской элиты по защите территориальных интересов своего народа. В данном случае аргументы и заявления польской стороны были направлены на ослабление позиции украинских политиков, искавших поддержку центральных

держав в деле создания независимой Украины, и ограничение влияния тех из них, кто добивался политико-административного обособления восточной части Галиции. Для дискредитации украинских политиков использовались различные средства. Указывалось на то, что они не отражают интересы большинства населения Украины, что «русские», «русины» и «малороссы» – это по сути один народ, приводились примеры, доказывавшие их национальную солидарность в годы Первой мировой войны.

Рассуждения С. Гломбиньского служат наглядным примером того, как могут подаваться исторические факты и события, если автор политически ангажирован, и как определенным образом сконструированный исторический материал может «работать» на решение актуальных политических задач. Из высказываний Гломбиньского видно, как «рыцари» и «герои» для одной стороны превращаются в «разбойников» и «убийц» для другой. При этом украинская версия исторических событий объявлялась «сказкой», искажением и грубой фальсификацией истории.

После того как в феврале 1918 г. центральные державы подписали в Брест-Литовске мирный договор с представителями Украинской народной республики, в котором признали украинское государство и заявили о присоединении к нему Холмщины, С. Гломбиньский в знак протеста отказался от титула тайного советника и командорского креста ордена Леопольда. В своих воспоминаниях он назвал этот договор «вероломством» и «предательством» по отношению к полякам (*Głabiński*, s. 306, 317). «Ту “украинскую республику” создали немцы посреди полной анархии и политического хаоса, вызванного большевистской революцией в России, – отмечал Гломбиньский. – Искусственное представительство этой Украины в форме “Центральной украинской рады” должно было помочь немцам и австрийцам прокормить армию и собрать запасы хлеба для голодающего населения (центральных держав. – М.Б.)» (*Głabiński*, s. 311).

Его единомышленники продолжают отстаивать заявленные подходы и в послевоенный период. Так, на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. польские эксперты станут доказывать, что никакой Украины как великого единого и независимого государства никогда не существовало, что само это понятие было лишь географическим обозначением пограничных территорий и не имело этнографического содержания. Польские эксперты утверждали, что население на этих землях в 1919 г. оказалось неготовым к созданию независимого государства, ему было присуще скорее социально-классовое, чем национальное, самосознание [*Прошина*, 2016, с. 164–170]. Представитель польской делегации на мирной конференции лидер национальных демократов Роман Дмовский в целом придерживался убеждения, согласно которому между Польшей и Россией нет места для независимой Украины (*Dmowski*). Во взглядах то этот вопрос он расходился с главой Польши Ю. Пилсудским, стремившимся содействовать созданию союзного Польше и независимого от России украинского государства, однако не сумевшим реализовать свои масштабные геополитические планы на востоке Европы.

Список источников

- Archiwum Narodowe w Krakowie (ANK). Zesp. Tarnowskich z Dzikowa (29/639). Jedn. 631. URL: <http://www.szukajwarchiwach.pl/29/639/0/2.53/631#tabJednostka> (дата обращения: 20.01.2017).
Dmowski R. Kwestia ukraińska. URL: <http://geopolityka.net/roman-dmowski-kwestia-ukrainska-cz-1> (дата обращения: 20.01.2017).
Głabiński S. Wspomnienia polityczne. Pelplin, 1939.

Библиографический список

- Гирич И.Б.* Андрей Жук – основатель Союза освобождения Украины: политическая и культурно-просветительская деятельность в годы Первой мировой войны // Народы Габсбургской монархии в 1914–1920 гг.: От национальных движений к созданию национальных государств. М., Квадрига, 2012. Т. I. С. 219–238.
Гущин А.В. Вопрос о Восточной Галиции на Парижской мирной конференции 1919 г. // Историки-слависты МГУ. Кн. 8: Славянский мир в поисках идентичности: М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 492–503.
Заицильняк Л. Огляд проблем спільної (важкої) історії українців і поляків ХХ століття. URL: <http://www.memory.gov.ua/news/oglyad-problem-spilnoi-vazhkoj-istorii-ukraintsiv-i-polyakiv-khkh-stolittya> (дата обращения: 20.01.2017).
Патер І. Міжнародна діяльність Союзу визволення України (1914–1918 рр.) // Галичина. 2013. Ч. 22–23. URL: file:///C:/Users/1/Downloads/Nikp_2013_22-23_21.pdf (дата обращения: 20.01.2017).

Прошина Е.А. Этногеографическая терминология польских документов по украинскому вопросу на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. // Имя народа: Украина и ее население в официальных и научных терминах, публицистике и литературе. М.: Институт славяноведения РАН; СПб., Нестор-История, 2016. С. 161–170.

Яремчук В.Д. Загальна Українська Рада (1915–1916 рр.) як вияв системних дій українських політичних сил Наддніпрянської та Наддністрянської України // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень ім. І.Ф. Кураса НАН України: Зб. наук. праць. Київ, 2009. Вип. 43. URL: http://www.ipiend.gov.ua/uploads/nz/nz_43/yaremchuk_zagalna.pdf(дата обращения: 20.01.2017).

Дата поступления рукописи в редакцию 12.02.2017

HISTORY OF UKRAINE AND THE UKRAINIAN ISSUE IN THE INTERPRETATION OF POLISH POLITICIAN STANISŁAW GŁĄBIŃSKI IN THE EARLY 20th CENTURY

M. A. Bulakhtin

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
bulakhtin@yandex.ru

The First World War intensified the struggle of the Polish and Ukrainian people for the acquisition of their own statehood. However, the general movement for independence brought tensions and conflict between two nations. The disagreements over the future of Polish and Ukrainian borders were the reasons for that process. Territorial claims of the Ukrainians on the part of the heritage of the Polish–Lithuanian Commonwealth caused irritation within the Polish establishment. Stanisław Głąbiński, the leading politician of the National Democratic party, a member of the Austrian National Council in 1902–1918 and a member of the Galician Parliament in 1904–1914, Minister for Railways in the cabinet of Prime Minister Reinhard Bienerth in 1911, was one of those who opposed those claims. In his political essays, written in German and addressed to the public and ruling circles of the Central Powers, he represented the critical view on the Ukrainian publications towards history and current political situation in Ukraine. He argued that the Ukrainian state had never existed before and exposed the myths of Bohdan Khmelnytsky, the Cossacks, and the Haidamaks. He considered that “the Ruthenians” from Eastern Galicia, “the Little Russians” and “the Russians” were in fact one nation. Głąbiński concluded that the Ukrainian claims on the establishment of an independent Ukraine had no real base. Many of his arguments were congruent with the evaluations and approvals made by Polish experts on the Ukrainian issue during the Paris Peace Conference of 1919–1920.

Key words: the First World War, Poland, Ukraine, Galicia, inter-ethnic relations, statehood.

References

- Girich, I.B. (2012), “Andrey Zhuk – the founder of the Union of Liberation of Ukraine: political and cultural, enlightenment activities during the First World War”, in *Narody Gabsburgskoy monarkhii v 1914–1920 gg.: Ot natsionalnykh dvizheniy k sozdaniyu natsionalnykh gosudarstv* [The peoples of the Habsburg monarchy in 1914–1920: From national movements to the creation of national states], Kvadriga, Moscow, Russia, vol. I, pp. 166–185.
- Gushchin, A.V. (2011), “The issue of Eastern Galicia at the Paris Peace Conference of 1919”, in *Istoriki-slavisty MGU: Kn. 8. Slavyanskiy mir v poiskakh identichnosti: mater. Mezhd. nauch.konf.* [Historians-Slavists of Moscow State University. Book 8. The Slavic World in Search of Identity], Institut slavyanovedeniya RAN, Moscow, Russia, pp. 492–503.
- Zashkilnyak, L. *Oglyad problem spilnoi (vazhkoi) istorii ukrainciv i polyakiv XX stolittya* [Review of the problems of the common (difficult) history of Ukrainians and Poles of the 20th Century], available at: <http://www.memory.gov.ua/news/oglyad-problem-spilnoi-vazhkoi-istorii-ukraintsiv-i-polyakiv-khkh-stolittya> (accessed 20.01.2017).
- Pater, I. (2013), “International activity of the Union of Liberation of Ukraine (1914–1918)”, *Galichina*, № 22–23, available at: file:///C:/Users/1/Downloads/Nikp_2013_22-23_21.pdf (accessed 20.01.2017).
- Proshina, E.A. (2016), “Ethnogeographical terminology of Polish documents on the Ukrainian issue at the Paris Peace Conference of 1919–1920”, in *Imya naroda: Ukraina i ee naselenie v ofitsialnykh i nauchnykh terminakh, publitsistike i literature: mater. Mezhd. nauch. konf.* [The name of the nation: Ukraine and its population in official and scientific terms, political essays and literature], Institut slavyanovedeniya RAN, Moscow; Nestor-Istoriya, St. Petersburg, Russia, pp. 161–170.
- Yaremchuk, V.D. (2009), “The General Council of Ukraine (1915–1916) as a manifestation of the systematic actions of the Ukrainian political forces of the Transdnestr and Transdnestr Ukraine”, *Naukovi zapiski Institutu politichnikh i etnonatsionalnikh doslidzhen im. I.F. Kurasa NAN Ukrainy: Zbirnik naukovikh prats*, № 43, available at: http://www.ipiend.gov.ua/uploads/nz/nz_43/yaremchuk_zagalna.pdf (accessed 20.01.2017).